

Кто же и зачем создавал образ врага?

Статья С. Урбански «Непримиримый противник. Создание образа врага на советско-китайской границе в 1969—1982 гг.»¹ посвящена событиям периода острой конфронтации между двумя странами. Рассматривается в основном позиция Советского Союза. При этом автор ставит конфликтующие стороны на одну доску, тогда как известно, что инициатором и активной стороной разгоревшегося противостояния был Китай. Это то же, что, к примеру, в конфликте между двумя людьми ответственность за него возлагать на обе стороны, притом что на самом деле одна сторона была инициатором и активно его раздувала, а вторая вынуждена была как-то реагировать.

Таким невольным участником конфликта оказался Советский Союз. Как это случилось? Конечно, велика роль субъективного фактора, лично Мао Цзэдуна и тех политических сил в КНР, которые находили выгодным для себя нагнетание враждебности в отношении СССР. Но в основе лежали объективные процессы эволюции социалистического лагеря. В 50-е гг. прекратилось, за исключением Кубы, его расширение, и он оказался замкнутой системой, в которой закономерно происходило нарастание внутренних противоречий. А так как наряду с Советским Союзом в нём находилась такая крупная держава, как Китай, практически неизбежным стал раскол лагеря. Это диалектический процесс раздвоения единого.

Внутри лагеря, оказавшегося в капиталистическом мире на положении осаждённой крепости, естественно, обсуждались вопросы выбора дальнейшей стратегии. Китай предлагал радикальные меры, СССР и большинство социалистических стран занимали умеренную позицию. После того как предложение Мао Цзэдуна пустить в ход советскую атомную бомбу не встретило поддержки, он решил действовать самостоятельно: за три года построить в Китае коммунизм и таким образом показать всему миру пример, которому последуют другие народы. Сокрушительный провал этой утопической затеи, разразившийся голод, экономические трудности вызвали разногласия в самом китайском руководстве, часть которого была склонна идти по пути Советского Союза. Вот тут китайская пропаганда стала направлять своё остриё против северного соседа. Это «классика жанра». Пожалуй, трудно найти режим, который избежал бы соблазна воспользоваться жупелом внешнего врага для подавления внутренней оппозиции и сплочения своих сторонников.

Китайская пропаганда ожесточённо клеймила позором «советских ревизионистов», якобы вставших на путь реставрации капитализма. Была устроена масштабная «охота на ведьм» — так называемая «культурная революция». Здесь уже в полной мере использовался образ СССР как врага, внешней опоры местных «ревизионистов». Когда все реальные и потенциальные противники Мао Цзэдуна в Китае были разгромлены, возникла необходимость закрепить победу. Лучший способ для этого — использовать образ внешнего врага. С этой целью 2 марта 1969 г., незадолго до IX съезда КПК, было осуществлено заранее подготовленное Пекином нападение на советских пограничников.

¹ Урбански С. Непримиримый противник. Создание образа врага на советско-китайской границе в 1969—1982 гг. // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 34—52.

Прошедшие в марте бои на границе показали военное превосходство СССР. После чего ведущей в китайской пропаганде стала тема советской угрозы, и начался поиск путей к сближению с США.

Второй акт китайской антисоветской политической драмы начался после смерти Мао Цзэдуна. К тому времени попытки насадить в стране казарменный коммунизм привели её к крайне бедственному положению: 100 млн чел. оказались на грани голода. По инициативе самих крестьян начался роспуск народных коммун. Кардинальные перемены произошли на политической арене: власть перешла к правым силам, так называемым прагматикам во главе с Дэн Сяопином. Во внешней политике был взят курс на всестороннее сотрудничество с Западом. Яростно раздуваемый антисоветизм должен был показать новым друзьям Пекина, на чьей он стороне. Китайская пропаганда, сосредоточившись на вопросах внешней политики, старательно выискивала и изобретала аргументы для подкрепления обвинений СССР в гегемонизме, в страшной военной угрозе, которая якобы исходит от него. Изображать из Советского Союза коварного врага были призваны литература, искусство, историческая наука. Антисоветская пропаганда охватывала всё население, начиная с дошкольного возраста. В вопросах внешней политики дело дошло до призывов к созданию «широчайшего единого фронта» с включением в него своих вчерашних противников — США, Японии, Западной Европы — против советских коммунистических «единоверцев».

Ещё в начале 1978 г. СССР сделал первый шаг к примирению, предложив КНР выступить с совместным заявлением о принципах взаимоотношений между двумя странами. Однако нормализовать советско-китайские отношения удалось только в 1989 г. Более десяти лет было потеряно. Все эти годы Пекин явно искусственно, с использованием антисоветской пропаганды, продолжал дистанцироваться от СССР. За этот период произошла внутренняя трансформация КНР, связанная с внедрением рыночных отношений, во внешней политике прекратились попытки подтолкнуть мировую революцию. Таким образом, Китаю удалось окончательно отойти от социалистического лагеря и включиться в мировое сообщество. А те режимы, которые остались на прежних позициях, были обречены на неминуемую гибель.

Советско-китайские отношения тех лет хорошо известны автору данной рецензии как их современнику, к тому же они были предметом его научных изысканий. В 2006 г. вышла книга «КНР — СССР: годы конфронтации (1969—1982)», в 2016 г. — «О Китае и российско-китайских отношениях». День в марте 1969 г., когда произошли трагические события на Даманском, запомнился автору, проходившему срочную службу в Сибири, тем, что были выборы и военнослужащие по глубокому, выпавшему ночью снегу шли в клуб, чтобы принять в них участие. Никаких специальных пропагандистских мероприятий антикитайской направленности тогда не проводилось. Армия — единый организм, поэтому можно заключить, что таким же было положение и в других частях. Правда, в Тюмени тогда произошёл уникальный случай: за маоистскую пропаганду на три года был осуждён студент третьего курса местного индустриального института. Будто бы с этой пропагандой он обращался в различные учреждения. Сообщение прошло по местному телевидению, но не было опубликовано в печати и никак нигде не обсуждалось.

Само понятие пропаганды противоречиво. Это может быть просто распространение каких-либо идей, взглядов. Нередко бывает, что пропагандисты с целью подчеркнуть собственную правоту или, наоборот, неправоту другой стороны искажают факты, смещают акценты, прибегают к преувеличениям и другим такого рода приёмам. Поэтому в целом в общественном сознании закрепилось представление о пропаганде как о чём-то негативном, предпринимаемом с неблагоприятными целями: скрыть правду, очернить других, несправедливо обвинить кого-либо. Подобная пропаганда красноречиво характеризует того, кто к ней прибегает, и позволяет понять причины его поведения. Антисоветская пропаганда в Китае была порождением и необходимым атрибутом тех сил, которые боролись, победили и на десять лет периода «культурной революции» установили в стране режим, названный позже заместителем председателя ЦК КПК маршалом Е Цзяньином «самой мрачной феодально-фашистской диктатурой».

В отличие от Китая тех лет у Советского Союза не было необходимости прибегать к пропагандистским трюкам. Это были спокойные годы брежневского «застоя», которые серьёзно омрачала «китайская проблема», из-за которой СССР вынужден был потратить на укрепление границы огромную по тем временам сумму — 200 млрд долл. (всё, что удалось заработать на экспорте нефти). Также приходилось как-то реагировать на антисоветскую политику Пекина, давать ей оценку. Но это была не пропаганда в негативном её значении, когда она работает на создание образа врага, а критика. В СССР никогда не забывали, что коренные интересы народов двух стран, их стремление к миру и добрососедству совпадают. Даже в самый острый период конфликта с Китаем, в 1969 г., советская сторона заявляла, что она «всегда будет стремиться сохранять и поддерживать дружеские чувства, которые есть в советском народе по отношению к китайскому народу и которые, несомненно, есть и в китайском народе по отношению к Советскому Союзу»².

В том, что из Москвы раздавалась критика, а не шла оголтелая пропаганда, легко убедиться. С 1969 г. начали выходить сборники материалов о современном Китае «Опасный курс». Всего до 1981 г. было опубликовано 11 выпусков. В них были собраны официальные документы о советско-китайских отношениях и наиболее важные публикации прессы. Большинство тем, указанных в подзаголовках сборников, подчёркнуто нейтральны: «По поводу событий в Китае», «О политике китайских руководителей», «Маоистский режим на новом этапе», «Китай после Мао Цзэдуна». Авторы статей (некоторые из них публиковались под псевдонимами) в большинстве своём учёные-китаисты, хорошо знавшие и любившие эту страну. Их позиция, даже остро критическая, не могла иметь злонамеренный характер, быть нацеленной на создание образа врага.

Сразу же после начала «культурной революции», в 1966 г., в Москве был создан Институт Дальнего Востока АН СССР. На самом деле это был институт Китая, названный так для «конспирации». В 50-е гг. в СССР уже работал Институт китаеведения, но его пришлось закрыть, так как Мао Цзэдуну не понравилось, что их изучают. В новом институте были собраны крупные научные силы: в 70—80-е гг. там работало более 400 чел., автор данной рецензии был

² Опасный курс. По поводу событий в Китае. М.: Политиздат, 1969. Вып. 1. С. 3.

в нём аспирантом. Институт занимался современным Китаем и давал рекомендации для ЦК КПСС и других инстанций. С 1969 г. Институт выпускает ежегодный справочник «Китайская Народная Республика: экономика, политика, идеология» (сейчас он называется «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура»). Сначала это было издание для служебного пользования, а с 1973 г. — открытое. Можно взять справочник за любой год и убедиться, что это академическое издание, и в нём нет ничего антикитайского.

Теперь о том, как обстояло дело с «образом врага» в приграничье, конкретно в Приморском крае. В СССР существовала и продолжает действовать сейчас, организация по распространению научных и политических знаний — общество «Знание», имевшее отделения во всех краях и областях. С конца 70-х гг. автор вместе со своими коллегами-китаистами принимал участие в его деятельности. В год 10—15 раз выступал перед населением с лекциями о Китае, пользовавшимся большой популярностью. Был в воинских частях, на погранзаставах. Тема лекций — «Положение в Китае» — отвечала запросам публики, искренне интересовавшейся жизнью соседней страны и её народа. Естественно, ни о каком «образе врага» речи не шло.

Так было на самом деле. В статье С. Урбански же утверждается, что ещё в конце 50-х гг. возник вопрос «Как заставить тех, кто официально был „братьями навеки“ всего несколько лет назад, воспринимать соседнюю страну как угрозу, а людей по ту сторону границы — как врагов?» (с. 36—37). В политике Мао Цзэдуна действительно присутствовала такая тенденция. Но ни в малейшей степени это не было характерно для Советского Союза. Автор же развивает свою мысль именно в отношении нашей страны. К мероприятиям советской стороны по формированию образа врага в период острой конфронтации он относит план ЦК КПСС по разоблачению «авантюристического курса группы Мао Цзэдуна», выход фильмов «Пагубный курс маоистов», «Ночь над Китаем». Но разве это не было разоблачением той «самой мрачной феодально-фашистской диктатуры», которая утвердилась в КНР? А называть вещи своими именами — это обязательно пропаганда враждебности? Единственный приведённый в статье пример, который можно было бы отнести к созданию образа врага, — намеченная в конце 1980 г., но так и не осуществлённая съёмка фильма о китайском шпионаже против СССР.

Ключевым мотивом советской пропаганды в тот период автор называет «миф о героическом пограничнике», якобы специально создаваемом для «эмоционализации конфликта». «В каждом городе появлялись свои герои из ближайших соседей» (с. 41). В связи с мартовскими событиями публиковались репортажи и (взято в кавычки) «письма пограничникам». Тема героического пограничника хорошо ложится в авторскую концепцию тоталитарной советской пропаганды. На самом же деле смысл здесь совсем другой. Героев всегда чтут на их родине, это культурная норма. Рисковать жизнью, выполняя воинский долг, как раз и означает быть настоящим героем. И письма пограничникам были настоящими, их можно найти в музеях.

Автор рассматривает печатную и радиопропаганду. Как положительный момент следует отметить использование в качестве источника местной прессы Забайкалья, в том числе районной. В 1969 г. она публиковала репортажи о событиях на Даманском, похоронах погибших советских солдат, митингах

местных жителей, осуждавших китайских провокаторов. Но в них не было анти-китайских призывов, которые можно было бы связать с созданием образа врага.

О приграничных китайских районах в местной прессе вообще не сообщалось в течение четверти века, до начала нормализации отношений между двумя странами. Но и это стало поводом для автора высказаться в пользу своей концепции. «Страна по ту сторону границы, некогда такая знакомая, стиралась из коллективной памяти. Географические названия китайского приграничья исчезали за завесой пропаганды. А враг, таившийся за границей, был таким же неопределённым, анонимным и, вероятно, именно поэтому — пугающим» (с. 45). На самом же деле это не было каким-то коварным пропагандистским ходом, как может показаться. Влияло отчуждение, накопившееся за годы конфронтации между двумя странами. Кроме того, при полностью закрытой границе просто не было контактов с соседями, и первые публикации появились, когда они стали возобновляться.

Рассуждая о роли прессы в создании образа соседней страны для жителей советского приграничья, автор задаётся вопросом: «Какие газеты они читали?». И полагает, что дело обстояло таким образом. «Рабочие и служащие на железной дороге, вероятно, читали газету „Трансбайкальская магистраль“, в то время как таможенники и пограничники — „На боевом посту“. Некоторые партийные деятели или учителя, возможно, выписывали областную газету „Забайкальский рабочий“. Однако большинство если что-то и читало, то, скорее всего, ограничивалось районной газетой» (с. 41). То есть получается, что народ у нас был довольно дремучий, а «узнать правду можно было только из иностранных радиопередач или от знакомых» (с. 38).

Чтобы понять, как обстояло дело в действительности, достаточно обратиться к статистике. К примеру, в Приморье при населении 2 млн чел. тираж краевой газеты «Красное знамя» достигал более 400 тыс. экземпляров. Центральные газеты выходили многомиллионными тиражами. Мировым рекордсменом (это было уже в 80-е гг.) — 30 млн экземпляров — стала газета общества «Знание» «Аргументы и факты». Каждая семья, как правило, выписывала несколько газет и журналов. Поэтому информированность населения о положении дел на местном уровне, в стране и мире, включая Китай, была очень высокой. Не публиковались только сообщения о катастрофах, громких преступлениях и информация антисоветской направленности.

Раздел статьи «Война в эфире» содержит много ценной информации о советском радиовещании на Китай, но оно не могло быть направлено на создание образа врага в СССР, так как шло за рубеж. Да и там оно имело целью не нагнетание враждебности, а распространение позитивной информации о Советской стране. Так называемая «война в эфире» длилась десятки лет и по большому счёту представляла собой явление культуры. Оно стало объектом внимания китайских кинематографистов. В прошлом году по китайскому телевидению был показан сериал (54 серии, хотя вначале было заявлено 58) «Фронтёр любви», в художественной форме представляющий события тех лет. Герои фильма — разлучённая семья дикторов, русского и китайки, продолжавших работать на радио, каждый по свою сторону границы. Он — сначала в Москве, потом в Благовещенске. Она — в Хэйхэ. Фильм практически не касается политики. Всё в нём связано с личными переживаниями героев,

их судьбой. Ясно выражен символический смысл произведения — стремление восстановить разрушенное единство двух соседних народов.

Вызывают возражения и другие положения статьи. Во-первых, о том, что для создания образа врага «обновили» старое клише конца 20-х гг., когда «предпринималась попытка через советскую популярную литературу и прессу настроить людей в Советском Союзе против национального правительства в Нанкине и маньчжурского военачальника Чжан Цзолия» (с. 37). Будто всё дело в том, чтобы «настроить людей». Нельзя не учитывать исторических условий и конкретных причин событий. В 1927 г. Чан Кайши совершил политический переворот, после чего в Китае начали истреблять коммунистов. Самого этого факта для коммунистической страны было достаточно, чтобы определить своё отношение к чанкайшистскому режиму. Кроме того, в Кантоне были убиты пять сотрудников советского генконсульства. На КВЖД погибли десятки советских граждан. В 60-е гг., после боёв на Уссури, также никого не нужно было «настраивать», но это было столкновение между двумя коммунистическими странами, что оставляло надежду на примирение.

Во-вторых, положение о «кризисе идеологической легитимации, спровоцированной Пекином». Китайские «раскольники», конечно, добавили Москве хлопот в мировом коммунистическом движении, но это был далеко не кризис. На Международном совещании коммунистических и рабочих партий, фактически всемирном, которое состоялось в Москве в конце 1969 г., все его участники, за исключением Румынии, выступили с осуждением политики и действий Пекина.

Таким образом, приведённые в статье аргументы в пользу того, что в годы советско-китайского конфликта советская пропаганда создавала из Китая образ врага, не являются убедительными. Представляется, что это не случайность, а следствие избранного подхода, который позволяет действовать в узких рамках заданной темы, не даёт возможности взглянуть на проблему широко, обращаясь к её теоретическим аспектам. При данном подходе можно с таким же «успехом» доказывать существование в СССР «ревизионизма», «социал-империализма», «великодержавного шовинизма», «гегемонизма». Чтобы избежать подобных ловушек, требуется научный подход, дающий понимание сущности изучаемых явлений и процессов, истории их возникновения и развития.

Как уже отмечалось выше, советско-китайский конфликт был связан с конкретными историческими условиями того времени. Хотя он длился несколько десятилетий, это лишь краткий миг на фоне многовековых и преимущественно дружественных взаимоотношений между нашими странами. Почти столетия наши народы вместе жили в составе монгольской империи, и это не могло пройти бесследно. В 2000 г. китайский историк Су Фэнлинь из Харбина защитил в Москве докторскую диссертацию «История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в.». В ней он показал, что русско-китайские связи начиная с XIII в. продолжались из века в век. Такой макроисторический взгляд весьма полезен для понимания преходящего характера тех негативных эпизодов, которые имели место в прошлом в российско-китайских отношениях.

Н.П. Рябченко, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН